

Архетипы, мифическое воображение и современное общество:

новое очарование для мира

Станислав Гроф, д.м.н.

перевод С. Конторович

Коллективное бессознательное, архетипы, и природа мифов

Понимание архетипов, которые Юнг описал как регулирующие принципы коллективного бессознательного (Юнг, 1959), является чрезвычайно важным для психотерапии и самоисследования с использованием холотропных состояний сознания. Оно заново освещает широкий диапазон других областей - религию и мистику, астрологию, природу и происхождение искусства, научные идеи и вдохновение, социально-политические явления и многое другое. Я начну эту статью о важности мифологического воображения и архетипической психологии для современного общества с краткого обсуждения природы и динамики архетипов, а также того, как наши представления о них менялись на протяжении веков. Я подробно обращусь к применению архетипического мышления в разных дисциплинах и к его актуальности в условиях глобального кризиса, с которым мы сегодня столкнулись.

Согласно открытиям, пришедшим из юнгианской психологии, из исследований сознания и академических исследований мифологий, архетипы представляют вневременные базовые космические принципы лежащие в основе материального мира, пронизывающие его и образующие ткань материальной реальности (Юнг, 1959).

* Исправленная и дополненная лекция, представленная на 16-й конференции Международной трансперсональной ассоциации под названием «Мифическое воображение и современное общество: новое очарование для мира», состоявшейся в Палм-Спрингс, Калифорния, 12-18 июня 2004 года.

Тенденция интерпретировать мир в терминах архетипических принципов впервые появилась в Древней Греции и была одной из самых ярких характеристик греческой философии и культуры. Как отметил Ричард Тарнас в своем продолжении «Истории Западного мышления», озаглавленном «Космос и Психика» (Тарнас, 2006 г.), архетипы можно рассматривать с разных точек зрения:

1. В гомеровских эпосах они приняли форму персонифицированных мифологических персонажей или богов - Зевса, Посейдона, Диониса, Геры, Афродиты или Ареса.

2. В философии Платона они описаны как чистые метафизические принципы, трансцендентные Идеи или Формы. Они обладают независимым существованием в царстве, недоступном обычным человеческим чувствам. По его словам, «земное» повторяет форму/характер этих универсальных Форм или Идей, но ему далеко до их совершенной трансцендентной реальности (Платон, 1961).

3. В наше время К. Г. Юнг принес концепцию архетипов в современную психологию, описывая их в первую очередь как психологические принципы.

Существование скрытых невидимых измерений реальности - это идея, чуждая материалистической науке, если только их нельзя сделать доступными с помощью использования устройств, расширяющих спектр наших чувств, например, микроскопа, телескопа или датчиков обнаружения электромагнитного излучения. Кроме того, академические и клинические психиатры используют очень узкую концептуальную основу, которая ограничивает человеческую психику послеродовой биографией и фрейдовским индивидуальным бессознательным. По их словам, опыт архетипических существ и миров не обладает онтологической реальностью, они - плод человеческого воображения или патологическая продукция мозга, нуждающегося в лечении с помощью транквилизаторов.

Таким образом, современная материалистическая наука присоединилась к многовековому философскому спору между номиналистами и реалистами относительно онтологической природы архетипов (платоновских Идей или Форм), жаркие споры о которой в их многочисленных вариациях пронизывают всю историю западной мысли. Номиналисты видят в архетипах чистые "имена", абстракции человеческого опыта конкретных объектов и ситуаций и, таким образом, производные материального мира. Реалисты считают, что архетипический мир онтологически реален, хотя и не доступен человеческому восприятию. Доминирующий в западной науке монистический материализм решительно склонился в пользу номиналистов.

Клинические и философские работы К. Г. Юнга радикально изменили эту ситуацию. Анализ Юнгом снов и симптомов его клиентов, а также его исследование мировых мифологий, искусства, сравнительного религиоведения и ритуальной жизни традиционных культур привнесли убедительные доказательства существования коллективного бессознательного и онтологической реальности архетипов как его регулирующих принципов (Юнг, 1956, 1959). Понимание Юнгом природы и функций архетипов резко изменилось в ходе его жизни. В своих ранних работах он видел в них трансиндивидуальные, но, по существу, интрапсихические явления, закрепленные в мозгу, подобно инстинктам у животных. Тем не менее, после того, как он открыл и исследовал феномен синхроничности - "акаузального соединяющего принципа", который связывает интрапсихические события с событиями в материальном мире, он понял, что архетипы обладают тем, что он назвал «психоидным качеством» (Юнг, 1960). Это означает, что они управляют не только индивидуальной психикой, но тем, что происходит в мире согласованной реальности. Я исследовал эту увлекательную тему в других работах (Гроф, 1985, 2000 и 2006).

Юнг заметил, что в повседневной жизни часто случаются поразительные совпадения, выходящие за рамки любой разумной вероятности, и они бы не произошли, если бы Вселенная регулировалась исключительно цепочками причин и следствий. Он приводил в качестве примеров события из жизни австрийского биолога Каммерера и историю Фламариона о редком сливовом пудинге (Юнг, 1960). Кроме того, он отметил, что во многих из этих совпадений интрапсихический опыт, например, мечты или видения, формируют значимые закономерности с событиями в материальной реальности (см. пример Юнга о золотом скарабее, историю Кэмпбелла о богомоле и другие случаи, упомянутые в моей книге «Когда невозможное возможно» - Гроф, 2006). Это возможно лишь в том случае, когда архетипы являются космическими организующими принципами, регулирующими как человеческую психику, так и материальную реальность.

Сравнительные исследования мифологии Джозефа Кэмпбелла внесли важные доказательства более позднего понимания Юнгом архетипов и являются важным дополнением и поддержкой его клинических исследований. Особый интерес в этом отношении представляет кросскультурное исследование Кэмпбеллом архетипического мотива путешествия героя, названного им «мономифом» из-за всеобщего и повсеместного характера, выходящего за рамки исторических и географических границ. Впервые он описал этот мотив в его ставшей классической книге 1947 года «Герой с тысячью лиц» (Кэмпбелл, 1968), а затем показал, как он проявляется в различных ситуациях, включая шаманский кризис инициации, опыт ритуалов перехода, мистерии смерти-возрождения и психозы или духовные кризисы. Дополнительное подтверждение онтологической реальности архетипов пришло из психоделической терапии и других мощных немедикаментозных эмпирических техник (Гроф, 1985, 2000, 2006).

Последствия нового понимания Мифов:

1. Архетипы в психиатрии, психологии и психотерапии

В свете наблюдений, полученных в психоделической терапии и работе с Холотропным Дыханием, картография психики, используемая академической психиатрией и психологией, ограниченная послеродовой биографией и фрейдовским индивидуальным бессознательным, должна быть значительно расширена. Она должна включать перинатальный домен и трансперсональный домен, а именно - коллективное бессознательное с его архетипической динамикой (Гроф, 1985, 2000). Современные исследования сознания показали, что в холотропных состояниях архетипы могут быть непосредственно пережиты, они могут принести новую информацию о мировых мифологиях, неизвестных субъекту (например, описанный Юнгом пример хронического больного шизофренией, в восприятии которого солнце обладало фаллосом и создавало ветер его движениями – совсем как это описано в мифологии Митры – Юнг, 1956).

Чтобы проиллюстрировать эту точку зрения, я хотел бы описать одну из многих ситуаций, которая позволяет проверить подлинность такой информации. Она связана с Отто, одним из моих пражских клиентов, которого я лечил от депрессии и патологической боязни смерти (*thanatophobia* - танатофобии).

В одном из психоделических сеансов у Отто был мощный опыт психодуховной смерти-возрождения. В момент кульминации он пережил видение зловещего входа в подземный мир, охраняемый ужасной богиней-свиньей. В это мгновение он вдруг почувствовал острую необходимость изобразить некую конкретную геометрическую конструкцию и попросил меня принести ему несколько листов бумаги и чертежные приборы. Он нарисовал целую серию сложных абстрактных узоров, и все продолжал, импульсивно разрывая и комкая эти замысловатые узоры сразу после завершения. Он был очень недоволен своими рисунками, его разочарование росло, потому что он был не в состоянии "изобразить все правильно".

В то время я все еще находился под сильным влиянием фрейдистского обучения и старался изо всех сил выявить бессознательные мотивы этого странного поведения с помощью метода свободных ассоциаций. Мы потратили много времени на эту задачу, но без особого успеха. Рассматриваемая последовательность не имела никакого смысла. В конце концов, процесс перешел в другие области, и я перестал думать об этой ситуации. Весь эпизод оставался для меня совершенно загадочным, до тех пор, пока много лет спустя я не переехал в США.

Когда мы были в Эсалене, там часто проводил семинары Джозеф Кэмпбелл, который также нередко участвовал в качестве приглашенного специалиста в наших месячных семинарах. В середине недели он регулярно приезжал на ужин к нам домой, устав от эсаленского меню, которое называл "кроличьим кормом". На протяжении многих лет у нас было множество интересных дискуссий, в ходе которых я делился с ним некоторыми замечаниями о неясных мне архетипических опытах, встреченных в работе. В большинстве случаев у Джозефа не возникало трудностей в идентификации культурных источников символизма.

Во время одной из таких дискуссий я вспомнил описанный выше эпизод и поделился с ним. "Как увлекательно", сказал Джозеф, не задумываясь, "это явно была Небесная ночная мать смерти, Пожирающая Богиня-мать малекуланов из Новой Гвинеи". Как он рассказал мне, малекуланы верят, что столкнутся с этим божеством в «путешествии мертвых». Она выглядит как пугающая женская фигура, подобная свинье. Согласно традиции малекуланов, она сидит у входа в подземный мир и охраняет священный лабиринт.

У малекуланов существует сложная система ритуалов, включающих разведение и принесение в жертву свиней. Этот комплекс ритуальной деятельности направлен на преодоление зависимости от их человеческих матерей и, в конечном счете, от Пожирающей Богини-матери. Также малекуланы проводят огромное количество времени, практикуя искусство

рисунка лабиринта, так как это считается необходимым для успешного путешествия по ту сторону. Джозефу, с его энциклопедическими знаниями, удалось решить важную часть головоломки, с которой я столкнулся во время исследования. Остается вопрос, на который даже он не смог ответить: почему моему клиенту пришлось столкнуться именно с этим божеством малекуланов именно в тот конкретный момент терапии? Тем не менее, задача овладения посмертным путешествием, конечно, хороша для того, чей основной симптом - патологический страх смерти.

Неоднократно опыт моих собственных психоделических сессий включал переживания архетипического мира, самый интересный из таких опытов произошел в ходе сеанса с МДМА.

Где-то на пятидесятой минуте сессии я начал испытывать сильную активацию в нижней части тела. Мой таз вибрировал, и огромное количество энергии слово высвобождалось через эти экстатические толчки. В какой-то момент эта текущая энергия подхватила меня с собой в опьяняющее вращающееся безумие космического водоворота создания и разрушения.

В центре этого чудовищного урагана первичных сил были четыре гигантские титанические фигуры, исполняющие нечто наподобие космического танца с саблями. У них были выраженные монголоидные черты с выступающими скулами, раскосыми глазами и начисто выбритыми головами, украшенными крупными плетеными хвостиками. Кружась в бешеном танцевальном ритме, они покачивали огромными орудиями, похожими на косы или Г-образные ятаганы, и, будучи совмещенными, все четыре составляли быстро вращающуюся свастику.

Я интуитивно понял, что эта монументальная архетипическая сцена была связана с началом процесса создания и одновременно - с заключительным этапом духовного пути. В космогенетическом процессе (в движении от изначального единства к мирам множества) лезвия ятаганов представляли силу, дробящую и фрагментирующую единое поле космического сознания и творческой энергии на бесчисленные разделенные

единицы. В отношении духовного путешествия они представляют этап, когда сознание искателя превосходит разделение и полярности и достигает состояния исходного недифференцированного единства. Направление этого процесса казалось связанным с движением лезвий по или против часовой стрелки. Будучи спроецированным в материальный мир, этот архетипический мотив кажется связанным с ростом и развитием (как оплодотворенная яйцеклетка или семя становится организмом) или уничтожением форм (войнами, природными катастрофами, разложением).

Затем опыт преобразился в невообразимую панораму сцен уничтожения. В этих видениях стихийные бедствия, извержения вулканов, землетрясения, падающие метеоры, лесные пожары, наводнения и цунами соединились с образами горящих городов, рушащихся высотных зданий, массовой гибелью и ужасами войны. Во главе этой волны тотального уничтожения были четыре архетипических образа жутких всадников, символизирующих конец света. Я понял, что это были Четыре всадника Апокалипсиса (мор, война, голод и смерть). Продолжающиеся колебания и толчки моего таза теперь синхронизировались с движениями этих зловещих всадников, и я присоединился к танцу, став одним из них, или, возможно, всеми четырьмя сразу, оставив собственную идентичность.

Внезапно декорации сменились, и у меня возникло видение пещеры из «Государства» Платона. В этой работе Платон описывает группу закованных в цепи людей, которые живут в пещере, глядя на пустую стену. Они видят тени, которые объекты у входа в пещеру отбрасывают на стену. Согласно Платону, тени оказываются тем ближе, чем ближе заключенные подбираются к видимой реальности. Просветленный философ подобен заключенному, который освобождается от этой иллюзии и понимает, что тени на стене иллюзорны, и что он способен воспринимать истинную форму реальности, а не просто тени, видимые узниками. За этим последовало глубокое и неоспоримое осознание того факта, что материальный мир нашей повседневности не состоит из «вещества», а соткан космическим сознанием

путем бесконечно сложной и изощренной «оркестровки» опыта. Эта божественная игра, называемая индусами «лила», создана космической иллюзией майя.

Заключительным и ключевым моментом сессии была великолепная затайливая театральная сцена, парад персонифицированных универсальных принципов, архетипов - космических актеров, совместно создающих иллюзию феноменального мира. Я наблюдал изменчивые, многогранные, многоуровневые персонажи, аккумулирующие множество смыслов, и причудливо меняющие формы в процессе голографического взаимопроникновения. Каждый из них, казалось, представляет одновременно и самую суть своей функции, и все конкретные проявления этого элемента в мире материи. Я видел Майю - таинственный эфирный принцип, символизирующий мировую иллюзию; Аниму, воплощающую вечную женственность; Марса, олицетворяющего войны и агрессию; Любовников, воплощающих все сексуальные драмы и романы всех времен; царственную фигуру Правителя; ушедшего в себя Отшельника; неуловимого Трикстера и многих других. Проходя по сцене, они кланялись мне, словно ожидая признательности за звездное представление божественной игры вселенной.

Работа с холотропными состояниями сознания показала, вне всякого сомнения, что архетипические переживания - это не беспорядочная патологическая продукция мозга неизвестного происхождения (что является симптомом "эндогенного психоза"), но содержание коллективного бессознательного, возникающее в индивидуальном сознании (Гроф 2000, 2006). Чтобы отделить трансперсональные переживания от продуктов воображения отдельного индивидуума, юнгианская психология относит архетипическую сферу к имагинальной. Французский ученый, философ и мистик, Анри Корбен, который первым использовал термин *Mundus imaginalis*, был вдохновлен изучением исламской мистической литературы (Корбен, 2000). Также исследование холотропных состояний выявило существование перинатальной области бессознательного, содержащей

уникальную смесь эмбриональных и архетипических элементов. Это имеет глубокий теоретический и практический смысл для психиатрии, психологии и психотерапии:

а. Архетипический и перинатальный опыт играет важную роль в происхождении эмоциональных и психосоматических симптомов, будучи частью многоуровневых динамических систем, состоящих из биографического, перинатального и трансперсонального материала (систем конденсированного опыта - СКО) (Гроф, 1976, 1985, 2000). С другой стороны, архетипы могут сыграть не менее важную роль в исцелении и трансформации, яркий пример этого – проявление и интеграция демонического архетипа (история Флоры – Гроф, 2006).

б. Это тесно связано с внутренней самоисцеляющей мудростью психики (процесс индивидуации по Юнгу), с исцеляющим потенциалом архетипических фигур и с целительной энергией, которую древние и традиционные культуры видели как проявления божественного (*Аполлон* в храмовых сновидениях Греции, божества синкретических религий Карибского бассейна и Южной Америки - *Лоа* в Вуду или *Ориша* в Умбанде и Сантерии, *пневма* гностиков, *прана* Кундалини-йоги, *нтум* бушменов Калахари, *мана* полинезийцев и др.)

с. Открытие онтологической реальности архетипической сферы и внутреннего исцеляющей мудрости поддерживает концепцию «духовного кризиса» (проявление перинатального и трансперсонального материала в сознании), альтернативную медицинскому пониманию "эндогенных психозов" как обусловленных патологическим процессом психических заболеваний, требующих подавляющей терапии транквилизаторами (Гроф С. и Гроф К., 1989, Гроф С. и Гроф К., 1991).

2. Роль архетипов в науке:

а. Архетипы играют важную роль в возникновении научных теорий и научных открытий. Как показал Филипп Франк в книге «Философия науки» (1957), источником научных открытий или базовых аксиом научных теорий

нередко является архетипический мотив. В истории науки революционные идеи часто возникают задолго до того, как имеется достаточно доказательств для их подтверждения.

Заметными примерами являются философ Анаксимандр с его протоэволюционной теорией, предполагающей, что вся жизнь возникла в океане, Демокрит и Левкипп с их атомной теорией материи, Коперник и Кеплер, почерпнувшие вдохновение из солнечного архетипа, и Фридрих Кекуле, вдохновленный видением Уробороса в открытии бензольного кольца. Лауреат Нобелевской премии, молекулярный биолог Фрэнсис Крик якобы сказал однажды своему другу Кемпу, что на самом деле он "увидел форму двойной спирали, находясь под воздействием ЛСД" (Крик 2012). Другие увлекательные примеры можно найти в книге «Высшее творчество: освобождение бессознательного для революционных инсайтов» Уиллиса Хармана (Харман, 1984).

б. В различных научных дисциплинах также растет понимание того, насколько важны архетипические паттерны. Можно привести в пример увлеченность Гете построением плана растений, озабоченность Грегори Бейтсона "объединяющим паттерном" в природе и эволюционной теории, концепцию морфогенетических полей Шелдрейка, исследования Эрнстом Геккелем художественных форм в природе, исследование Мандельбротом фракталов, имитирующих природные архетипические формы, теорию Ильи Пригожина о диссипативных структурах и возникновении порядка из хаоса и т.д. (Гете, 2009, Бейтсон, 1979, Шелдрейк, 1981, Мандельброт, 1982, Пригожин и Стенгерс, 1984).

3. Архетипы, религия и духовность:

Открытие того, что архетипический мир онтологически реален, придает легитимности духовному мировоззрению, религиозной и ритуальной деятельности и духовному поиску, включающему непосредственное переживание. Это позволяет разграничить организованные религиозные структуры, основанные на вере, догмах, обрядности, морализме и светских

амбициях, и подлинную духовность, которую можно найти в монастырях и мистических ветвях религий, обрядах коренных культур и традициях, сосредотачивающихся на духовной практике и прямом переживании.

Духовность базируется на личном переживании необычных аспектов и измерений реальности. Это не требует особого места или официально назначенных лиц, посредничающих при контакте с божественным. Мистикам не нужны церкви и храмы. Контекстом, в котором они испытывают священные измерения реальности, в том числе, и собственную божественность, являются их тела и природа. Вместо официоза священников они нуждаются в поддержке группы товарищей по поискам или в руководстве учителя, более продвинутого во внутренних путешествиях, чем они сами.

Согласно Джозефу Кэмпбеллу (и повторяя Дюркгейма), важно внести еще одно разграничение - между идолопоклонством и мистицизмом: «Полезно то божество (архетипическая фигура), которое прозрачно для трансцендентного»; оно должно указывать на Абсолют, но не должно быть принято за него. Создание непрозрачной архетипической фигуры и поклонение ей есть идолопоклонство; это приводит к религии, замыкающейся самой на себя и разделяющей мир на соперничающие группы - христиан/язычников, мусульман/кафиров, евреев/гоев.

Осознание онтологической реальности архетипического мира придает вес ритуальной и духовной жизни доиндустриальных культур - шаманизму, обрядам перехода, таинствам смерти-возрождения, а также великим религиям и духовным философиям Востока и Запада. Среди них особое значение для современного общества имеют обряды перехода. Согласно ученым, таким как Маргарет Мид и Мирча Элиаде, именно тот факт, что индустриальная цивилизация потеряла эти важные обряды перехода, в значительной степени обуславливает беды современного общества и особенно молодого поколения: сексуальные расстройства, наркоманию и насилие.

В 1973 в Бург-Вантенштайн, в Австрии, мне довелось принять участие в небольшом мозговом штурме на конференции Фонда Веннер-Грен, под названием «Ритуал: примирение в изменении», вдохновителем и организатором которой были Маргарет Мид и Кэтрин Бейтсон (Мид и Бейтсон, 1973). Восемнадцать приглашенных докладчиков обсуждали вопрос, возможно ли создать современные обряды перехода или они должны появиться спонтанно из духовной истории культур. Тезисы участников, использовавшиеся при проведении круглых столов той конференции, находятся в Нью-Йорке, в архивах Фонда Веннер-Грен.

Несколько лет назад моя жена Кристина делала доклад на конференции, организованной государственным законодателем Нью-Йорка на ту же тему – важность обрядов перехода, возможность их воссоздания и переустройства (Гроф, 1998). Участники обсудили возможность объединения таких элементов, как веревочные курсы, выход в море, хождение по огню, плавание в открытом море и Холотропное Дыхание (поскольку все традиционные обряды связаны с холотропными состояниями сознания и с учетом современной ситуации, кажущееся логичным ответственное ритуальное использование психоделиков для достижения этих состояний представляется маловероятным).

4. Архетипы и социально-политические движения:

Архетипические силы управляют не только процессами индивидуальной психики, но и психики коллективной, они являются движущими силами человеческой истории. Средневековых рыцарей просили пожертвовать жизнью ради Иисуса и принять участие в крестовых походах для освобождения Святой земли от мусульман. Чешские гуситы называли себя «Воинами Бога» и с такой мощью исполняли хорал «те, кто стали Воинами Бога», что, якобы сеяли хаос среди более крупных армий крестоносцев и даже заставляли тех бежать с поля боя. Гитлер использовал архетипические символы для воздействия на последователей - ведические

изображения свастики и солнечного орла, образы тысячелетнего рейха и верховенства нордической расы.

К.Г. Юнг заметил, что в течение десятилетия, предшествующего Второй мировой войне, во снах его немецких пациентов регулярно появлялся архетипический мотив Вотана, и в этой связи он поднял вопрос о политической важности архетипа Вотана для Германии и ее будущего. Он пришел к выводу, что Германия столкнулась с национальной катастрофой, разрушительной и само-разрушительной по природе (Юнг, 1964). Также он проанализировал личности Гитлера, Сталина и Муссолини и указал на мистические, "целительские" качества Гитлера (Юнг, 1950). Идея о том, что Гитлер был помешан на мистике, раскрыта также в книге Тренора Равенскрофта «Копье Судьбы», в которой он рассуждает о роли в жизни Гитлера его одержимости копьем, которым римский центурион Кассий Лонгин пронзил бок распятого Иисуса ("Святой Лонгин Сотник") (Равенскрофт, 1982).

Мария-Луиза фон Франц в своей статье «Обращенный берсерк» говорит о важности для будущего ее родины видения «вотанического» Христа (Христа как Берсерка), пережитого покровителем Швейцарии Никлаусом из Флюэ во время медитации. После увиденного Никлаус договорился о мире для Швейцарии во время конфликта, угрожавшего перерасти в кровавую гражданскую войну. Фон Франц связывает тот факт, что Швейцария с тех пор не участвовала ни в одной войне, с пережитым опытом святого покровителя страны, в котором он интегрировал теневую сторону личности Иисуса (фон Франц, 1988). Джеймс Хиллман в своей блестящей книге «Ужасная любовь войны» собрал убедительные свидетельства того, что война является грозной архетипической силой, имеющей непреодолимую власть над людьми и народами (Хиллман, 2004).

Рональд Рейган в своих выступлениях делал отсылки к Апокалипсису и называл Советский Союз «империей зла». Джордж Буш называл борьбу против мусульманских террористов «крестовым походом». В свою очередь,

мусульманские экстремисты используют в политических целях понятие джихада - святой войны против неверных. Мусульманские террористы ожидают в награду за суицидальные атаки на неверных всех прелестей рая, в том числе девственных черноглазый гурий. Аналогично, во время Второй мировой войны, японские солдаты-камикадзе считались "Воинами божественного ветра"; они полагали, что жертвуют жизнями за живого бога - "Императора Небес" Хирохито.

Авторы стратегической доктрины называют членов своей общины «ядерным священством». Первое ядерное испытание получило название «Троица» - единство Отца, Сына и Святого Духа. Ученые, которые работали над атомной бомбой и присутствовали при ее испытаниях, описали этот опыт следующим образом: "Мы будто наблюдали первый день творения". А Роберт Оппенгеймер думал о словах Кришны Арджуне в Бхагавад Гите: "Я есть пришествие Смерти, Уничтожитель миров".

Работа с холотропными состояниями сознания (как с применением психоделиков, так и без них) дарит увлекательные прозрения относительно архетипических и перинатальных корней кровавых войн и революций. На перинатальном уровне повторное переживание различных стадий биологического рождения часто связано с образами жестоких социально-политических событий и переживанием архетипических фигур и мотивов. Связь между архетипическими элементами и этапами рождения очень специфична. Я называю эти эмпирические кластеры, объединяющие внутриутробный опыт, соответствующие архетипические образы и сцены из биографического бессознательного, базовыми перинатальными матрицами (БПМ). (Гроф, 1985, 2000).

Когда мы повторно переживаем эпизоды безмятежного внутриутробного существования (БПМ I), к нам обычно приходят видения человеческих обществ, живущих в гармонии с природой и друг с другом. Архетипическое измерение рождает образы рая и небес из различных культур, виды красивой нетронутой природы (Мать-Природа) и Великой

Богини-Матери. Беспокойные внутриутробные воспоминания, такие как токсикоз, опасность выкидыша или попытки аборта, сопровождаются тревожными видениями человеческих сообществ, проживающих в промышленных районах, где природа загрязнена и испорчена; или видениями несправедливо устроенных обществ, пронизанных всепроникающей паранойей, как в романе Оруэлла «1984» (Оруэлл 1949). Соответствующие им архетипические образы связаны, как правило, с какими-нибудь коварными и жуткими демонами.

Типичные архетипические образы, связанные с началом родового процесса - это зловещие водовороты, гигантские затягивающие омуты или сдавливающие монстры (дракон, Левиафан, кит, тарантул, осьминог), либо посещение преисподней. Регрессивные переживания, связанные с развитием первой клинической стадии рождения (БПМ II), в течение которой матка периодически сокращается, но шейка еще не открыта, тоже представляют собой весьма характерную картину. Они приносят видения репрессивных и грубых тоталитарных обществ с закрытыми границами, "душащих" личную свободу граждан - как, например, в царской или коммунистической России, гитлеровском Третьем рейхе, южноамериканских диктатурах, или Африканском апартеиде. В других случаях, появляются образы людей, заключенных в тюрьмы, подземелья, душевнобольных пациентов, запертых в палатах, узников нацистских концлагерей или сталинского архипелага ГУЛАГ.

Во время переживания этих глубин ада мы исключительным образом отождествляемся с жертвами и чувствуем глубокую симпатию к поверженным и проигравшим. В основе всего вышеуказанного опыта лежит архетип ада – образ предельных физических и эмоциональных страданий, которые никогда не заканчиваются, вкупе с образами чертей и грешников. В Божественной комедии Данте надпись над входом в ад гласит: «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Опыт, сопровождающий переживания второй клинической стадии родов (БПМ -III), когда шейка матки, продолжая сокращаться, продвигает плод сквозь узкие родовые пути, представляет обширное разнообразие цен насилия - кровавые войны и революции, боины, увечья, сексуальные надругательства и убийства. Нередко эти сцены включают в себя демонические элементы и отталкивающие скатологические мотивы. Другой частый спутник БПМ III - видения огня - сжигание городов, запуск ракет, взрывы атомных бомб.

Сопровождающие эту фазу архетипические образы отображают битвы космических масштабов – Рагнарёк или Сумерки богов в скандинавской мифологии, битвы между силами Света и Тьмы (армиями Ормузда и Аримана из зороастрийской религии, архангела Михаила, борющегося с сатаной и Мары, нападающего на Будду) или Армагеддон. Дополнительные архетипические мотивы, связанные с БПМ III – это жуткие сцены, объединяющие агрессию, секс и скатологические проявления, представленные черными мессами, сатанинскими оргиями или шабашами ведьм (Вальпургиева ночь). Когда третья матрица достигает разрешения, появляются архетипические видения фигур, представляющих психодуховную смерть и возрождение - Иисуса, Осириса, Диониса, Кецалькоатля, Инанны или Феникса – также это может быть взрывающийся вулкан или божества, связанные с огнем, например, Молох или Пеле.

События, характеризующие третью клиническую стадию рождения (БПМ IV) - фактический момент рождения и отделения от матери - как правило, связаны с образами победы в войнах и революциях, освобождения заключенных и успехом коллективных действий (наподобие патриотических или националистических движений). В этот момент мы можем пережить видения триумфальных парадов победы или воодушевление послевоенного восстановления. Архетипические мотивы этого этапа - сцены возрождения божеств, видение радуги, узоры павлиньего хвоста, Великая Богиня-Мать и

образы появляющихся в свете божеств (ангельских существ, гандхарв, апсар и др.).

Я описал эти наблюдения, связывая социально-политические потрясения со стадиями биологического рождения, в моей первой книге «Области человеческого бессознательного» (Гроф, 1975). Вскоре после ее публикации я получил письмо от Ллойда де Моза, нью-йоркского психоаналитика и журналиста. Он является одним из основателей психоистории, дисциплины, которая применяет выводы глубинной психологии к истории и политологии (де Моз, 1975, 1986). Психоисторики исследуют такие вопросы, как отношения между историей детства политических лидеров и их системами ценностей и процессом принятия решений; или влиянием воспитания детей на природу революций этого конкретного исторического периода. Ллойд де Моз был очень заинтересован моими выводами, касающимися травмы рождения и ее возможных социально-политических последствий, поскольку они являлись независимым источником поддержки его исследований.

В течение некоторого периода времени де Моз изучал психологические аспекты периодов, предшествующих войнам и революциям. Его заинтересовало, как военачальники достигали успеха в мобилизации масс мирных жителей, превращая их практически в одночасье в машины для убийства. Он разработал довольно оригинальный и творческий подход к этой проблеме. В дополнение к анализу традиционных исторических источников, он черпал данные из карикатур, шуток, мечтаний, личных образов, оговорок, комментариев ораторов «в сторону», и даже каракулей на черновиках политических документов. К тому времени как он связался со мной, он проанализировал таким образом семнадцать ситуаций предыдущих вспышек войн и революционных потрясений, охватывая много веков со времен античности до новейшего времени (де Моз, 1975).

Де Моз был поражен необыкновенным изобилием найденных им фигур речи, метафор и образов, связанных с биологическим рождением. Военные

лидеры и политики всех времен, говоря о кризисах или объявляя войны, систематически используют термины, применяемые к перинатальному дистрессу. Они обвиняют противника в том, что он душит народ, забирая последний глоток воздуха, что он притесняет их и не дает достаточно места для жизни ("жизненное пространство" Гитлера). Это можно проиллюстрировать недавним примером - Усама бен Ладен на известном видео угрожает, что обратит Соединенные Штаты в "задыхающийся ад".

Не менее частыми являются аллюзии на темные пещеры, туннели и запутанные лабиринты, опасные пропасти, в которые могут столкнуться, зыбучие пески или ужасающие водовороты. Соответственно, и вариант разрешения кризиса приходит в виде перинатальных образов. Лидер обещает спасти свой народ от зловещего лабиринта, привести его к свету в конце туннеля, создать ситуацию, где агрессоры и угнетатели будут побеждены, и все снова смогут «дышать свободно».

Исторические примеры Ллойда де Моза касаются таких известных личностей, как Александр Македонский, Наполеон, Сэмюэль Адамс, кайзер Вильгельм II, Гитлер, Хрущев и Кеннеди. Сэмюэль Адамс, говоря об американской революции, упоминает «дитя независимости, борющееся за рождение». В 1914 году кайзер Вильгельм заявил, что «монархия была схвачена за горло и поставлена перед выбором – позволить себе умереть или предпринять последнюю попытку защититься». Во время Карибского кризиса Хрущев писал Кеннеди, умоляя, чтобы страны не «столкнулись, как слепые кроты, бьющиеся смертным боем в туннеле».

Еще более явный пример – шифровка, использовавшаяся японским послом Курусу, когда он звонил в Токио, сигнализируя, что переговоры с Рузвельтом прекратились и можно начинать бомбардировки Перл-Харбора. Он сообщил, что «рождение ребенка близко» и спросил, как дела в Японии: «Не кажется ли, что ребенок может родиться?» Ответ был: «Да, рождение ребенка кажется неизбежным». Интересно, что американская разведка смогла опознать смысл кода «война-как-рождение».

Легкий озноб вызывает использование перинатального языка в эпизоде со взрывом атомной бомбы в Хиросиме. Самолет получил имя матери пилота, Энолы Гей, сама атомная бомба получила прозвище "Малыш", а кодовым сообщением, отправленным в Вашингтон об успешной детонации, было «ребенок родился». Не слишком сложно увидеть образ новорожденного и в прозвище бомбы Нагасаки - «Голстячок». Со времени нашей переписки Ллойд де Моз собрал и множество других исторических примеров, укрепив тезис о том, что память травмы рождения играет важную роль как источник мотивации социальной активности, связанной с насилием.

Вопросы, связанные с ядерной войной, настолько актуальны, что я хотел бы более подробно остановиться на них, используя материал из увлекательной работы Кэрол Кон под названием «Секс и смерть в рациональном мире оборонных интеллектуалов» (Кон, 1987). Оборонные интеллектуалы (DIS) - это гражданские лица, которые действуют в правительстве и вне его, работают на административных должностях или в качестве консультантов, а иногда в университетах и аналитических центрах. Они создают теорию, которая обеспечивает данные и обоснования для ядерной стратегической практики США - как управлять гонкой вооружений, как сдерживать применение ядерного оружия, как осуществлять ядерную войну, если сдерживание не удастся, и как объяснить, почему небезопасно жить без ядерного оружия.

Кэрол Кон приняла участие в двухнедельном летнем семинаре по ядерному оружию, ядерной стратегической доктрине и контролем над вооружением. Она была так очарована тем, что происходило там, что провела следующий год, погружаясь в почти исключительно мужской мир оборонных интеллектуалов (исключение составляли секретарши). Она собрала весьма интересные факты, подтверждающие существование перинатального измерения в ядерной войне. В своей увлекательной работе она упоминает восемь исторических примеров, где зашифрованные сообщения

и другой обмен информацией о разработке и тестировании атомных и водородных бомб, включали упоминания рождения и новорожденных.

Еще один аргумент в пользу важности перинатальной и архетипической областей бессознательного в военной психологии можно найти в прекрасной книге Сэма Кина «Лица Врага» (Кин, 1988) и в документальном фильме с тем же названием. Кин собрал выдающуюся коллекцию пропагандистских военных плакатов, агитационных мультфильмов и карикатур многих исторических периодов и стран. Он показал, что способы описания и изображения врага во время войны или революции стереотипны, демонстрируют лишь незначительные изменения и имеют очень мало общего с реальными особенностями задействованных в конфликте стран и культур.

Он разделил эти образы на несколько архетипических категорий по преобладающим характеристикам (например, Чужак, Агрессор, Достойный соперник, Безликий, Враг Бога, Варвар, Жадный, Преступник, Мучитель, Насильник, Смерть) . По Кину, предполагаемые образы врага, по существу есть проекции репрессированных и непознанных теневых аспектов нашего собственного глубокого бессознательного. Хотя мы, конечно, найдем в человеческой истории примеры справедливых войн, те, кто развязывают военные действия, обычно замещают внешние цели элементами собственной психики, с которыми лучше было бы встретиться в индивидуальном самоисследовании.

Теоретические основы Сэма Кина не включают отдельно перинатальную область бессознательного. Тем не менее, анализ предоставляемого им визуального материала показывает преобладание архетипических образов, характерных для БПМ II и БПМ III. Враг, как правило, изображается в виде опасного осьминога, злого дракона, многоголовой гидры, гигантского ядовитого тарантула или всепоглощающего Левиафана. Другие часто используемые символы - хищных кошачьих или хищных птиц, чудовищных акул, и зловещих змей

(особенно гадюк и удавов). Сцены, изображающие удушение или уничтожение, водовороты и зыбучие пески, также изобилуют в изображениях времен войн, революций и политических кризисов. Сопоставление картин из холотропных состояний сознания, которые изображают перинатальный опыт, с исторической документацией, собранной Ллойдом де Мозом и Сэмом Кином, предоставляет убедительные доказательства перинатальных и архетипических корней человеческого насилия.

В соответствии с новыми открытиями исследований сознания и психоистории, мы все несем в глубинах своего бессознательного мощные энергии и эмоции, связанные с травмой рождения, которыми мы должным образом не овладели и не усвоили. Символизм, связанный с ними, обращается к нам из глубоких архетипических источников. Для некоторых этот аспект нашей психики остается полностью неосознанным до погружения в ситуацию углубленного самоисследования с использованием психоделиков или мощных эмпирических методов психотерапии (таких, как Холотропное Дыхание или ребефинг). Другие же способны в разной степени осознавать эмоции и физические ощущения перинатального и трансперсонального уровней бессознательного.

Активация этого материала может привести к серьезной индивидуальной психопатологии, в том числе, к немотивированному насилию. Наблюдения показывают, что по неизвестным причинам осознание перинатальных элементов может нарастать одновременно у большого количества людей. Это создает атмосферу общей напряженности, тревоги и ожидания. Лидером становится индивид, находящийся под более сильным влиянием перинатальных энергий, чем средний человек. У него также есть возможность отчуждать свои неприемлемые чувства (Тень в терминологии Юнга) и проецировать их на внешнюю ситуацию. В коллективном дискомфорте обвиняется враг, и в качестве решения предлагается военная интервенция.

Историко-астрологическое исследование Ричарда Тарнаса пролило новый свет на идеи де Моза о коллективной напряженности, возникающей в перинатальном бессознательном, и предшествующей, как правило, возникновению войн и революций. В своем подробном исследовании Тарнас признал глубокие взаимосвязи между феноменологией того, что я называю Базовыми перинатальными матрицами (БПМ) и астрологическими архетипами (БПМ I и Нептун, БПМ II и Сатурн, БПМ III и Плутон, БПМ IV и Уран). Также он смог продемонстрировать глубокие корреляции между периодами войн и революций и напряженными аспектами Плутона, Сатурна и Марса на протяжении всей человеческой истории (Тарнас, 2006). Это демонстрирует тесную связь между социально-политическими событиями и динамикой архетипов, связанных с различными планетами.

5. Исследования сознания и архетипическая астрология

Новое понимание природы архетипов, их символизма, мультивалентности смыслов и их взаимодействия имеет важное значение для дисциплин, известных как архетипическая психология и космология. Исследование холотропных состояний внесло весомые доказательства в пользу мировоззрения, в основе которого лежит астрология (Гроф, 2009 г.). Из-за революционного характера такого понимания реальности, угрожающего материалистическому научному мировоззрению и требующему радикально изменить наши представления о природе реальности, у меня ушло много лет на понимание его экстраординарного значения. Более тридцати лет сотрудничества с Ричардом Тарнасом убедили меня, что архетипическая астрология является бесценным инструментом для психиатрии, психологии, психотерапии, и особенно для работы с холотропными состояниями сознания (я назвал это Розеттским камнем исследований сознания). Также Рик продемонстрировал исключительную ценность этой дисциплины для изучения истории - в изящнейшем 30-летнем исследовании он выявил систематические корреляции между мировыми планетарными транзитами и историческими событиями (Тарнас, 2006 г.). Это

объемный и комплексный предмет исследования, и я не могу отдать ему должное в ограниченных рамках данной статьи. Я вынужден отослать заинтересованных читателей к литературе, специализирующейся на этой области (Тарнас, 2006, 2010, 2011, Гроф, 2009, 2012, Ле Гриз, 2009).

6. Поиск нового планетарного мифа

Историк Арнольд Тойнби и мифолог Джозеф Кэмпбелл отмечали, что все культуры прошлого регулировались «базовым мифом» или комбинацией мифов. Тойнби часто цитируют за предсказанное им развитие западной цивилизации: "Приход буддизма на Запад вполне можно считать самым важным событием XX века". Джозеф Кэмпбелл обычно поднимал на своих лекциях вопрос: "Какие мифы движут западной цивилизацией?" Лично он считал, что это миф о поиске Святого Грааля в его отношении к индивидуализму, характеризующему западное общество: рыцари Святого Грааля решили продолжить поиски святой чаши самостоятельно. Интересно поразмыслить и над двумя основными мифами современной эпохи: Утеранный рай против Восхождения человека (Тарнас, 1993). Равнозначными кажутся мотивы Похищения и изнасилования женственности, мотив психодуховной смерти и возрождения, а также ряд других - Фауст, Ученик чародея, Франкенштейн, Блудный сын, Вавилонская башня, и другие.

Джозеф Кэмпбелл часто спрашивал, каким будет миф будущего, и выражал надежду, что этот миф будет связан с преодолением фрагментации и созданием планетарной цивилизации. Это могла бы быть Новая Атлантида, где люди будут жить в гармонии с другими людьми и с природой, извлекая выгоду из удивительных открытий науки и техники, но используя их с мудростью, исходящей из глубокого духовного центра. Достижение этой цели также включает в себя психодуховное возрождение, а также освобождение и возвращение женственности.

Поскольку мы говорим о планетарной цивилизации, я хотел бы отметить очень интересное наблюдение, кажущееся весьма важным в этом отношении. Одним из самых удивительных открытий в моей работе с психоделиками и Холотропным Дыханием стала та легкость, с которой люди в холотропных состояниях сознания (включая и меня самого) преодолевают исторические и географические границы и переживают архетипические фигуры, мотивы и паттерны почти любой культуры в истории человечества. На протяжении многих лет, я сам в собственных психоделических сеансах переживал эпизоды разных мифологий и религий мира - индуистской, буддистской, тибетской, мусульманской, христианской, египетской, синтоистской, австралийских аборигенов, индейцев Северной и Южной Америки и других.

Возможно, это новый феномен. Многие доиндустриальные культуры имели и использовали мощные расширяющие сознание технологии, в том числе психоделические растения. Если бы коллективное бессознательное в полном объеме было бы также легко доступно для них, каковым оно кажется для современных субъектов, у нас не было бы различных культурно-специфических мифологий. То есть, мы должны предположить, что, например, тибетцы переживали, в первую очередь, тибетских божеств, а индейцы Уичоль в Мексике – божеств Уичоль. Нет описаний дражайшего духа Каюмаре или Татевари в Бардо Тодол или Дхьяни-Будд в традиции Уичолей.

Сдается мне, что это увеличение доступности различных областей коллективного бессознательного есть процесс, параллельный происходящему в материальном мире. До конца пятнадцатого века европейцы ничего не знали о Новом Свете и его жителях, и наоборот. Многие человеческие группы в отдаленных частях мира оставались неизвестными для остального мира до современной эпохи. Тибет был относительно изолирован до китайского вторжения в 1949 году. Сегодня телефон, коротковолновые радиостанции, телевидение, а в последнее время и Интернет, растворили

многие из старых границ. Остается надеяться, что происходящее во внутреннем и внешнем мире есть признаки движения к настоящей глобальной цивилизации.

Литература:

- Bateson, G. 1979. *Mind and Nature: A Necessary Unity*. New York: E.P. Dutton.
- Campbell, J. 1968. *The Hero with A Thousand Faces*. Princeton: Princeton University Press.
- Cohn, C. 1987. "Sex and Death in the Rational World of the Defense Intellectuals." *Journal of Women in Culture and Society* 12:687-718.
- Corbin, H. 2000. "Mundus Imaginalis, Or the Imaginary and the Imaginal." In: *Working With Images* (B. Sells, ed.). Woodstock, CT: Spring Publications.
- Crick, F. 2012. See: Ten Scientific and Technological Visionaries Who Experimented with Drugs. Internet website: <http://io9.com/5876304/10-scientific-and-technological-visionaries-who-experimented-with-drugs>
- Frank, P. 1957. *Philosophy of Science*, Englewood-Cliffs, N.J.: Prentice Hall.
- Franz, M. L. von. 1988. "The Transformed Berserk." In: Grof, S. (ed.): *Human Survival and Consciousness Evolution*. Albany, NY: State University of New York (SUNY) Press.
- Goethe, J. W. 2009. *The Metamorphosis of Plants*. Cambridge, MA, London, England: The MIT Press.
- Grof, C. and Grof, S. 1991. *The Stormy Search for the Self: A Guide to Personal Growth Through Transformational Crises*. Los Angeles: J. P. Tarcher.
- Grof, C. 1998. "Rites of Passage: A Necessary Step Toward Wholeness." In: *Crossroads: The Quest for Contemporary Rites of Passage* (Louise Mahdi , Nancy Christopher and Michael Meade, eds.). Chicago, IL.: Open Court Publications.
- Grof, S. 1975. *Realms of the Human Unconscious: Observations from LSD Research*. New York: Viking Press. Paperback: E. P. Dutton, New York, 1976. Republished as *LSD: Gateway to the Numinous*. Rochester, VT: Inner Traditions.

- Grof, S. 1985. *Beyond the Brain: Birth, Death, and Transcendence in Psychotherapy*. Albany, NY: State University of New York (SUNY) Press.
- Grof S. and Grof, C. 1989. *Spiritual Emergency: When Personal Transformation Becomes a Crisis*. Los Angeles: J. P. Tarcher.
- Grof, S. 2000. *Psychology of the Future: Lessons from Modern Consciousness Research*. Albany, NY: State University of New York (SUNY) Press.
- Grof, S. 2006. *When the Impossible Happens: Adventures in Non-Ordinary Realities*. Louisville, CO: Sounds True.
- Grof, S. 2009. "Holotropic Research and Archetypal Astrology." *Archai: The Journal of Archetypal Cosmology*, Vol. 1, Number 1.
- Grof, S. 2012. *Two Case Studies: An Archetypal Astrological Analysis of Experiences in Psychedelic Sessions and Spiritual Emergencies*. *The Journal of Archetypal Cosmology*, Vol. 4, Number 1.
- Harman, W. 1984. *Higher Creativity: Liberating the Unconscious for Breakthrough Insights*. Los Angeles, CA: J. P. Tarcher.
- Hillman, J. 2004. *A Terrible Love of War* New York: Penguin.
- Jung, C. G. 1950. "Psychology and National Problems." In: *The Symbolic Life: Miscellaneous Writings*. *Collected Works*, vol. 18. Bollingen Series XX, Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Jung, C. G. 1956. *Symbols of Transformation*. *Collected Works*, vol. 5, Bollingen Series XX, Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Jung, C. G. 1959. *The Archetypes and the Collective Unconscious*. *Collected Works*, vol. 9,1. Bollingen Series XX, Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Jung, C.G. 1960. "Synchronicity: An Acausal Connecting Principle." *Collected Works*, vol. 8, Bollingen Series XX. Princeton: Princeton University Press.
- Jung, C. G. 1964. "Wotan." In: *Civilization in Transition*. *Collected Works*, vol. 10. Bollingen Series XX, Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Keen, S. 1988. *Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination*. San Francisco: Harper.

- Le Grise, K. 2009. The Birth of a New Discipline Archai: The Journal of Archetypal Cosmology, Volume 1, Number 1. (Summer).
- Mandelbrot, B. The Fractal Geometry of Nature. 1982. New York: Times Books.
- Mause, L. de. 1975. "The Independence of Psychohistory." In: The New Psychohistory. New York: The Psychohistory Press.
- Mause, L. de 1982. Foundations of Psychohistory. New York: Creative Roots, Inc.
- Mead, M. and Bateson, C. 1973. "Ritual-Reconciliation in Change. A working conference organized by Wenner-Gren Foundation at Burg Wartenstein in Austria.
- Orwell, G. 1949. 1984. London: Secker and Warburg.
- Plato 1961. Republic. In: The Collected Dialogues of Plato. Bollingen Series LXXI. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Prigogine, I., and Stengers, I. 1984. Order out of Chaos: Man's Dialogue with Nature. New York: Bantam Books.
- Ravenscroft, T. 1982. The Spear of Destiny: New York: Weiser Books.
- Sheldrake, R. 1981. A New Science of Life: The Hypothesis of Formative Causation. Los Angeles, CA.: J.P. Tarcher.
- Tarnas, R. 1993. The Passion of the Western Mind. New York: Harmony Books (Ballantine).
- Tarnas, R. 2006. Cosmos and Psyche: Intimations of a New World View. New York: Viking Press.
- Tarnas, R. 2010. An Introduction to Archetypal Astrological Analysis. Archai: The Journal of Archetypal Cosmology, issue # 2. (Fall)
- Tarnas, R., 2011. "Archetypal Cosmology: Past and Present." The Mountain Astrologer, No. 157, June 2011, pp. 65-69.
- Toynbee, A.J. 1934-61. A Study of History. Oxford: Oxford University Press.